

УДК 821. 161. 1–141–044. 922

СВЕТЛАНА ВОРОБЬЕВА

(Полтава)

ТРАНСФОРМАЦІЯ ЖАНРА ПЛАЧА В ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ КЛЮЕВА

Ключові слова: лірика, жанр, плач, образ, поетична мова, індивідуальний стиль.

Николай Клюев – яркий представитель новокрестьянской поэзии, в развитии которой немаловажную роль сыграли народные традиции. Связь фольклора и литературы в лирике проявлялась в различных формах: освоение народных образов, тем, мотивов, а также использование традиционных жанров фольклора (песнь, сказ, плач).

Многие исследователи отмечали интерес новокрестьянских поэтов к фольклору. В этой связи следует отметить работы, посвященные изучению творчества Н. Клюева: «Фольклор. Русская поэзия начала XX века» (1988) [2] и «Поэзия русского Севера: Карельские статьи и очерки» (1981) В.Г. Базанова, «Особенности художественного мышления новокрестьянских писателей» (1990) и «У истоков «большого эпоса» Николая Клюева» (2001) Л.А. Киселевой, «Поэзия народных традиций» (1988) Н.И. Неженца.

Изучению фольклорных лирических жанров в новокрестьянской поэзии было уделено достаточно внимания, но интересующий нас жанр плача не был рассмотрен в полной мере в аспекте трансформации в лирике XX века, что обусловило актуальность данной статьи. Отсутствие работ, посвященных трансформации жанра плача в творчестве Николая Клюева, определило цель нашей статьи – выявить черты жанра плача в поэтических произведениях Н. Клюева («Обидин плач», «Плач в родительскую субботу», «Плач о Сергее Есенине»), определить жанровое содержание данных поэтических текстов, их основные темы, мотивы, образы, особенности индивидуального стиля писателя.

Обрядовый фольклор, в частности погребальный, привлекал к себе внимание Н. Клюева. Поэт великолепно знал олонекский плач, который на Севере России называли «причитание, причеть, причет». В северном крае существовал обычай оплакивать умерших родственников, для этого нанимали женщин, которые проводили обряд оплакивания, их называли «плачечьями» и «вопленицами» (мать поэта была плачечей и вопленицей). Эта традиция повсеместно сохранялась на русском Севере в своих красочных, высокохудожественных формах.

Причитания, как и другие фольклорные жанры, имеют свою историю, уходящую в далекое прошлое. Обычай «плакаться» при погребении существовал с незапамятных времен и почти у всех народов. В состав причитаний входит сплав разнородных элементов (от ритуального песнопения до христианской молитвы). Все архаические элементы в стиле и словаре причитаний передавались от одного поколения к другому. В культе предков сказывается давнишняя и устойчивая традиция почитания умерших. Причитания выражали естественные чувства сострадания и человеколюбия. Как отмечает В. Базанов, в плачах лирика возобладали над эпосом [2].

Причитания – один из самых сложных жанров фольклора. Это поэзия духовная, кладбищенская и одновременно исключительно земная. Элементы плача можно обнаружить уже в ранних стихотворениях Н. Клюева («Обидин плач», 1908), они становятся ведущими в его поэзии 1915-1916 гг. – в произведениях, посвященных павшим русским воинам («Поминный причит» и другие стихотворения из сборника «Мирские думы», 1916). Широко использовал Н. Клюев искусство народных воплениц и в своем скорбном «Плаче о Сергее Есенине» (1926).

Характерным для всех похоронных причетов является обозначение реальных лиц, предметов и изображение происходящего при помощи иносказаний, символов и олицетворений. Это ярко проявилось в раннем стихотворении Н. Клюева «Обидин плач» 1908 года. В 1911 году, «чувствуя в воздухе запах смерти», Н. Клюев мыслью опережает вереницу кровавых событий, как вне, так и внутри страны. Стихотворение «Обидин плач», вошедшее в первый сборник поэта, рисует весёлое народное гулянье, среди которого вдруг появляется юродивая пророчица:

*Во глуби на самом доньшке.
Из конца в конец я видела
Поле грозное, убойное,
Костяками унавожено.
Как на полюшке кровавоём
Головами мосты мощены,
Из телес реки пропущены,
Близ сердечушка с ружья паля,
О бока пуля пролятыва,
Над глазами искры сыплются... [4, с. 31]*

Первый из сохранившихся текстов, записанный рукою Н. Клюева и озаглавленный им «Плач в родительскую субботу» (родительская суббота – день поминовения усопших, когда на кладбищах собираются люди и оплакивают своих близких родственников), представляет собой подлинно народный поминальный плач по умершему, который автор снабдил примечанием: «Голошен плачей Еремеевной на могиле моей матери в 1922 году» [4, с. 31]. Основной мотив плача – приглашение покойного в гости. Н. Клюев не раз слышал монологи плачущих женщин на могиле близкого человека и, обращаясь к собственной матери, пытался передать их со всей достоверностью. В карельских поминальных плачах часто повторяются такие выражения: *мне-ка сметь ли поосмелиться, как не несут да ножки резвые, родитель-матушка, кормилец-батюшка, улёты-кони добрые, любимое гостибьще* и др. [6, с. 67]. У Н. Клюева сохранены некоторые характерные для Севера грамматические формы (*добрых, на ретивоем сердечушке*), лексемы (*побаяти*). Таким образом, поэт воссоздает в своем произведении характерную структуру народной причети. Кроме того, мастерски владея и материалом, и техникой этого жанра, он вводит в текст фрагменты, стилизованные под устную традицию [1, с. 20].

Как видно, Н. Клюев всячески подчеркивал «народный» характер своих произведений и хотел убедить читателей в том, что его «песни» широко распространяются в среде верующих. Он стремился говорить от имени «народа» и голосом «народа», претендовал, по его словам, на «художественное воплощение нового народного сознания» [1, с. 19].

Смерть Сергея Есенина была оплакана многими поэтами. Но далеко не все прощальные стихи воссоздавали картину настоящего траура, все-народного горя. В «Плаче о Сергее Есенине» погибшего поэта оплакивают народные вопленицы, в художественном тексте воспроизведены целые отрывки из народных обрядовых причитаний. В произведении личное переплетается с общественным, глубоко интимное – с общеисторическим, скорбь – с размышлением, нежная любовь к Есенину – со спокойной оценкой его жизненного дела. По словам В. Базанова, сплав лирики с эпосом создавал сложную симфонию образов, эмоций и ритмов [2, с. 143].

Поэтический язык Н. Клюева отличается обилием метафор-загадок, символов, мифов, иносказаний, фольклорных архетипов. Особенностью стиля поэта стало обращение к библейским образам, мифологии и фольклору. Ключи от загадок «Плача о Сергее Есенине» запрятаны в иносказаниях, которые легко могли понять современники С. Есенина и Н. Клюева. С помощью библейских образов и структур Н. Клюев воссоздает этапы трагической жизни и гибели Сергея Есенина. Образ белого лебедя трансформируется в символ чистой души поэта, недоступной силам зла:

*На реке Неве грозный двор стоит,
Он изба на избе, весь железом крыт.
Поперек дворище – тыща дымников,
А вдоль бежать – коня загнать.
Как на том ли дворе, на большом рундуке,
Под заклатою черной матицей,
Молодой детинушка себя сразил... [4, с. 113]*

В данной строфе автор явно намекал на гостиницу «Англетер».

В произведении содержится фольклорный образ брачного пира, где пируют хищные птицы:

*Как на это ли жито багровое
Налетали птицы нечистые –
Чиря, Грызья, Подкожница,
Напоследки же птица-Удавница [4, с. 113].*

В этом образе воплощена мысль о социальной среде, которая толкала Есенина к гибели: «Обернулось перо удавной петлей» [4, с. 113].

Согласно композиции плача, произведение Н. Клюева охватывает весь жизненный путь поэта от рождения и до смерти. Автор описывает горькую участь С. Есенина на основе христианского мировоззрения. В христианстве заложена идея о том, что человек должен принять свою долю свыше. Образ С. Есенина в клюевском трактовании – трагический, возвышенный и преисполненный достоинства.

«Плач о Сергее Есенине» заканчивается отдельной главой «Успокоение», что имеет особое значение. Ни одну из глав поэмы-плача Н. Клюев не озглавливал: все они разделены лишь звездочками. А последней главе автор дал название, свидетельствующее о народной традиции.

*Все, что было на душе, – выплакано.
Всё, что сердце болью сжало, – высказано.
Но с этой скорбью, с этой болью,
с этим горем жить надо.
Продолжается жизнь земная у тех,
кто плакал о Сергее Есенине.
А Сергею Есенину – усенье.
И там, за этой чертой, – успокоение [5, с. 282].*

Ни надрыва, ни речитативного проговаривания боли, ни эмоционального нервного накала нет в «Успокоении». Мотивы последней главы соединяются с мотивами поэзии самого Есенина (мотив природы, света, тленности). По-есенински «нежность грустная русской души» в этих клюевских стихах звучит задушевно, напевно, раздумчиво, спокойно льются строки, как народная задумчивая песня:

*Падает снег на дорогу –
Белый ромашковый цвет,
Может, дойду понемногу
К окнам, где ласковый свет?
Топчут усталые ноги
Белый ромашковый цвет.
Жизнь – океан многозвенный
Путнику плещет вослед.
Волгу ли, берег ли Роны –
Все принимает поэт...
Тихо ложится на склоны
Белый ромашковый цвет [4, с. 168].*

В этих строках, которые стали своеобразной эпитафией для двух поэтов, собраны традиционные образы литературы: ромашковый цвет, ласковый свет, океан жизни. В литературе образ ромашки ассоциируется с символом судьбы, скромной красоты, отзывчивости, доброты и стойкости. Свет, о котором идет речь в риторическом вопросе, – не только пейзажная деталь, вернее, сам русский пейзаж вобрал в себя свет Того, Кто «есть свет и нет в Нем никакой тьмы», Царя Небесного, исходившего, благословляя всю землю. «Ласковый свет» воплощает красоту русского пейзажа, свет, который струится над родным домом Сергея Есенина. Образ океана жизни связан с образом путника, где он будто пустой корабль, от самого рождения брошенный в безграничные пространства вселенной.

Масштабы «есенинской темы» в творчестве Н. Клюева, неизменность ее основных акцентов и до, и после гибели С. Есенина свидетельствуют об исключительной важности и серьезности этой темы. Кроме непосредственно обращенных к С. Есенину, ему посвященных произведений, у Н. Клюева целые сборники («Львиный хлеб») буквально «пронизаны» Есениным, – так что совокупность связанных с ним мотивов и игра подтекстов способны составить основу интерпретации книги в целом. Только обнаружив эти мотивы и восстановив подтексты, можно попытаться осмыслить и «Четвертый Рим», и «Плач о Сергее Есенине» [5, с. 183].

«Плач о Сергее Есенине» – это народный плач, причитание по растоптанной русской культуре начала XX века, плач о судьбе русского народа.

Художественные средства, которые Николай Клюев использует в своих плачах, имеют целью усилить эмоциональное напряжение. Помимо уже упомянутых средств образности причитаний – иносказаний, олицетворений, сравнений, следует сказать об эпитетах. Эпитеты в клюевских причитаниях очень разнообразны и определяют не только постоянные типичные признаки, но и эмоциональное отношение к оплакиваемому и его семье. Эмоциональное усиление достигается и последовательным употреблением уменьшительных форм не только существительных и прилагательных, но и наречий и местоимений («мнечушки тошненько»), тавтологических выражений («молодым-то я, молодешенька», «потеряла я потерюшку») и синонимических выражений («пождождите-ко, помешкайте», «ты куда бежишь, торопишься?») [6, с. 67]. Для синтаксиса клюевских причитаний характерны повторения, как бы название одинаковых по строению и интонации фраз:

*Вы смотрите-ко, очи ясные,
Вы смотрите-ко, не мигаючи!*

Все эти средства создают своеобразный поэтический стиль, акцентирующий чувства печали, боли, горя (что было выражено и в народных причетах).

Таким образом, жанр плача органично входит в художественную систему Н. Клюева. Поэт использует структуру и характерные приемы народного плача, наполняя его новым содержанием и придавая ему обобщенный философский характер. Традиционные образы, библейские структуры, интертекстуальные мотивы Н. Клюева способствуют осознанию трагедии С. Есенина и всей русской интеллигенции в 1920-1930-х годах. Н. Клюев трансформировал жанр плача в своем поэтическом стиле, что помогало ему говорить об актуальных проблемах человека и общества его времени.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Азадовский К. М. «Плач в родительскую субботу» Николая Клюева / К. М. Азадовский // Русская речь. – 1989. – № 6. – С. 17–24.
2. Базанов В. Г. Фольклор. Русская поэзия начала XX в. / В. Г. Базанов. – Л., 1988. – С. 143–153.
3. Базанов В. Г. О социально-эстетической природе причитаний / В. Г. Базанов // Русская литература. – 1964. – № 4.
4. Клюев Н. А. Стихотворения и поэмы / Н. А. Клюев. – М. : Молодая гвардия, 1991. – 157 с.
5. Николай Клюев : Исследования и материалы. – М. : Наследие, 1997. – 305 с.
6. Русское народное поэтическое творчество. – М. : Просвещение, 1971. – 384 с.

СВЕТЛАНА ВОРОБЬЕВА

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА ПЛАЧА В ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ КЛЮЕВА

В статье рассматриваются фольклорные традиции в творчестве новокрестьянского поэта Н. Клюева. Исследованы элементы жанра плача в художественной структуре произведений писателя («Обидин плач», «Плач в родительскую субботу» и «Плач о Сергее Есенине»). Установлены трансформации жанра плача в лирике поэта, наполнение традиционных тем, образов, мотивов современным содержанием, философский характер произведений, черты индивидуального стиля Н. Клюева.

Ключевые слова: лирика, жанр, плач, образ, поэтический язык, индивидуальный стиль.

SVETLANA VOROBIOVA

TRANSFORMATION OF GENRE «WEEPING» IN NIKOLAY KLJUEVS CREATIVITY

The article deals with the folk traditions of N. Kljuev as one of the representatives of the new peasant poets. The genre elements of violence are studied in the art structure of author's works («Obidin's Weeping», «The Weeping on the Parents' Saturday» and «The Weeping about Serhej Esenin»). The transformation of weeping genre is studied in the poets' lyric. The filling of traditional themes, images, motifs with contemporary matter; philosophical character of the poems, features of the individual style of N. Kljuev are also studied in the poets' lyric.

Key words: lyrics, genre, weeping, image, poetic language, personal style.

Одержано 6.12.2011 р.